

Проф. М. Е. Сергеевко

КАТОНОВСКАЯ „ШКАЛА ДОХОДНОСТИ“ РАЗНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ*

Давая советы относительно покупки имения, Катон заканчивает первую главу своего «Земледелия» таким образом: «Если ты спросишь меня, какое имение будет первым, то я скажу так: сто югеров земли в самом хорошем месте со всякими участками: во-первых, с виноградником, если он дает хорошее вино или много вина; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с лозняком, в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебным полем; в-седьмых, с лесом, где режут листья скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, с лесом, дающим желуди».

Архаический стиль Катона, сделавший трудным его понимание уже для ближайших поколений, был виной того, что Баррон понимал это место как определенную шкалу, по которой располагаются различные хозяйственные угодья. «Катон, — говорит один из участников его диалога «О сельском хозяйстве», — располагая по ступеням один участок над другим, установил девять разных категорий: первым он поставил тот, где могут быть виноградники, дающие много хорошего вина; вторым, где будет поливной огород, третьим, где лозняк... и т. д. (I, 7, 9—10). Плиний, говоря о лозняке, пишет: «Катон при расценке имения определил ему третье место впереди маслинников и впереди хлебного поля и лугов» (XVI, 176). Западная наука ни одной минуты не усомнилась в правильности понимания катоновского текста его античными читателями: от Моммзена и до Тенни Франка седьмой параграф первой главы «Земледелия» являлся основой для расценки различных хозяйственных статей; выводы о том, что хлебопашество в Италии, начиная со II в. до н. э., теряет всякое значение и основывается в значительной степени на неправильном толковании этого параграфа.

Присмотримся внимательно к этому знаменитому месту и попробуем проанализировать его — насколько это возможно при нашем очень скудном материале — именно с точки зрения сравнительной доходности некоторых из перечисленных участков.

Оставим за виноградником его место: исходя из общей хозяйственной ситуации, изображенной Катонем, мы должны признать, что виноградарство было статьей, несомненно, доходной, но у нас нет материала ни для того, чтобы оставить его на первом месте, ни для того, чтобы его оттуда сдвинуть. Самым честным здесь будет сказать: *non liquet*. Но поливной огород, стоящий по своей доходности рядом с такой выгодной отраслью, как виноградник, вызывает живейшее недоумение. Плиний, восторгавшийся простотой доброго старого времени, вздыхает об испорченности

* В порядке обсуждения.

современников: «умудрились провести границу даже между травой, и богатство создало разницу в пище, цена которой грош! есть овощи, которые растут не для народа: есть капуста, настолько крупная, что на столе у бедняка она не помещается. Природа создала дикую спаржу: пусть каждый собирает ее, где хочет. И вот смотрите: вот выхоленная спаржа, которую в Равенне кладут по три штуки на фунт? О чревоугодие! удивительно было бы, если бы скотине запретили есть артишоки: а вот простому человеку это запрещено» (XIX, 54). Нет основания не верить фактам, послужившим основой для этой декламации. Но ведь Плиний писал два века спустя после Катона; мы знаем, как изменились за этот срок и времена и нравы. Тот же Плиний вспоминает о старине: «в Риме огород был именем для бедняка. Огород простому человеку заменял рынок» (XIX, 52). Исконная дешевизна овощей этими словами засвидетельствована, как засвидетельствовано предыдущей цитатой и то обстоятельство, что высокое искусство огородников, научившихся выращивать диковинные по своим размерам и качествам овощи, датируется поздним временем. Катон говорит о посеве репы и редьки (VI, 1; XXXV, 2), порея (47), чеснока (XXXII, 2) и мака (XXXVIII, 4); кроме того, у него упоминаются разные острые травы: укроп, рута, мята, анис, тмин, кориандр. И эта нехитрая огородинка давала доход, далеко превышавший доходность хлебной нивы и масличного сада и уступавший только доходности виноградника? трудно поверить. Кроме того, огород, требует близкого и верного места для сбыта; таким был, конечно, Рим. «Под Римом выгодно широко заниматься огородами», — пишет Варрон (I, 16,3), и Катон также рекомендует в подгородном имении «сажать всякие овощи» (VIII, 2). В I, 7, однако, речь идет не о suburbanum, так как «в имении под Римом выгоднее всего иметь arbustum — виноградник, где лозы вьются по деревьям» (VII, 1), а в нашей «шкале доходности» этому виду виноградника отведено восьмое — предпоследнее — место. Больше того, в самом пригородном имении огород отнюдь не стоит рядом с виноградником: это место занимают разные фруктовые деревья и маслины столовых сортов. Катон подробно перечисляет те сорта фруктов, которые найдут в силу своих качеств хороший сбыт (отличаются особой величиной; оказываются первинками или, наоборот, очень поздними сортами и, следовательно, особо ценятся, как фрукты «не сезонные»; могут долго лежать (см. Плиний, XV, 49—56). Не забыта даже скромная рябина. Так естественно было бы назвать те овощи, которые принесли бы хозяину особый доход. Этого нет. Овощи были, конечно, по выражению Плиния, «грошовой вещью» (XIX, 52)¹. Имело, пожалуй, смысл послать в Рим вместе с фруктами и маринадами из маслин и корзинку-другую овощей: спрос на них, разумеется, был, и что-то хозяин со своего огорода получал, но доход этот, вероятно и отдаленно не мог равняться с доходом от виноградника, а тем паче масличному саду огород в отношении доходности должен был смиренно уступить место, а не стоять впереди. Исключительное внимание, которое Катон оказывает маслине, свидетельствует о том, что для этой отрасли хозяйства наступила в его время золотая пора: значительно расширившийся рынок делал маслиноводство выгоднейшей хозяйственной статьей. Возможно ли представить себе, чтобы редька или укроп оказались доходнее, чем масличное дерево?

Пример с огородом столь красноречив, что уже он один может поколебать уверенность в том, что, перечисляя различные хозяйственные угодия, Катон имел в виду их сравнительную доходность. Прделаем, однако,

¹ Вспомним, что относительно дорогая спаржа была, по замечанию Плиния, для Катона «неожиданной новинкой» (XIX, 147), с которой он познакомился поздно.

нашу работу и дальше, насколько это позволяют данные, имеющиеся в нашем распоряжении.

Третье место в «шкале доходности» занимает лозняк. Лозняк в итальянском хозяйстве был растением подсобным: «следует теперь рассказать и о том, как позаботиться о кольях, переплетах и обвязке для виноградника. Все это готовится заранее, как некое приданое для лоз. Если у хозяина всего этого нет, то незачем ему и заводить виноградник: ему придется искать все необходимое за пределами имения: на него лягут бременем не только расходы на покупку, но и очень трудная доставка. Привозить ведь все придется в самое неподходящее зимнее время» (К о л у м е л л а, IV, 30, 1—2). Поэтому, прежде чем насадить виноградник, рекомендуется отвести участок под деревья, из которых можно будет натесать кольев, и под ивняк для подвязыванья лоз. Югер лозняка давал достаточно материала для 25 югеров виноградника (К о л., IV, 30, 2; П л и н и й, XVII, 147). Если принимать обычное толкование катонского текста, то окажется, что хозяин, засадивший сто югеров лозняком, должен был знать, что по соседству с ним имеется 2500 югеров виноградника, нуждающегося в «приданом». Всегда ли обязательно такое соседство? Посмотрим, сколько лозняка сажал в своем хозяйстве сам Катон. Кроме ивняка, необходим был для виноградника и тростник, чьи длинные крепкие стебли употреблялись для переплетов, по которым вились виноградные лозы. К а т о н упоминает о нем дважды (VI, 3 и 47). Одно югера тростника хватало на 20 югеров виноградника (К о л., IV, 30, 2). Исходя из этих расчетов, Катону надлежало для своего стоюгерного виноградника отвести под лозняк 4 югера и под тростник 5. В винограднике у него имелся один человек, ведавший ивой и, разумеется, и тростником (XI, 1); так как оба растения требуют ухода тщательного, то вряд ли на долю «саликтария» приходилось значительно больше 9 югеров, нужных Катону для собственного виноградного хозяйства (виноградника на каждого рабочего приходилось по 10 югеров: XI, 1). Катон, как и следовало ожидать, обеспечивал себя всем необходимым, и так же поступал, разумеется, каждый хороший хозяин, которому полагалось быть «любителем продавать, а не покупать». В а р р о н сто лет спустя, когда торговый обмен значительно усилился и отдельные хозяйства значительно больше специализировались на определенных сельскохозяйственных отраслях, осторожно писал: «Выгодно, если по соседству есть такие города или деревни, а также богатые имения и виллы, откуда можно недорого купить то, в чем имение нуждается и которым можно продать свои излишки, например колья, шесты и тростник для виноградника» (I, 16, 3). К а т о н советовал, сажая иву, сообразить, нужна ли она хозяину, или ее можно продавать (9).

Повидимому, покупатели были далеко не всегда налицо, и в продажу шли преимущественно остатки от собственного хозяйства. При наличии одного «саликтария» таких излишков у Катона было мало. Старый цензор, очевидно, не стремился расширять свой ивняк, «стоявший по доходности впереди маслинников». Лозняк требовал для себя определенного места: «обильного водой, сырого, тенистого, возле рек» (9), и размеры площади, под него отведенной, определялись, во-первых, его собственными требованиями, а во-вторых, потребностями хозяина и рыночным спросом. Мы видели, что последний не мог быть велик. Можно вполне допустить, что лозняк и вообще «приданое» для виноградника стоило дорого. К о л у м е л л а, правда, два века спустя после Катона, клал на то, чтобы засадить югер земли виноградными лозами и снабдить его кольями и обвязкой, 2000 сестерций (III, 3, 8). Сомнительно, однако, чтобы Катон, говоря о доходности участка, имел в виду какую-то абсолютную доходность, вычисляемую в математиче-

ски-отвлеченных цифрах. Доходность определялась для него, конечно, чистой выручкой, которую он рассчитывал получить в обстановке совершенно конкретной, в реальных условиях собственного хозяйства и его окружения. Лозняк, может быть, и продавался дорого, но это не значит, что он мог принести большой доход: продажа его ограничивалась местным рынком, спрос на него был случаен (хозяйства, не имевшие лозняка в данный момент, могли через некоторый срок им обзавестись) и не велик. Мог ли он по своей доходности стоять впереди масличного сада, продуктам которого был обеспечен и верный сбыт и обширный рынок?

Займемся теперь последними «ступенями» катоновской шкалы: «на седьмом месте *silva caedua*, на восьмом — *arbustum*, на девятом — лес, дающий желуди». Ни один текст не говорит прямо, что такое *silva caedua*, но из сопоставления ряда их (В а р р о н, 1, 37, 1; П л и н и й XVII, 59; К о л., III, 3, 1) ясно видно, что это такое. Это не лес в нашем смысле слова, а скорее подлесок — невысокие деревца, которые нарочно держали низкими, чтобы удобнее было резать с них листву на корм скотине. Листья в тех хозяйствах, которые имеет в виду Катон, составляли существенную часть кормов. Использование их в качестве кормового материала было и предусмотрительно и экономно: печатать строгой бережливости, граничащей со скупостью, лежит на всем хозяйстве Катона. Напрасно было бы, однако, думать, что положение с кормами в его хозяйстве и в тех хозяйствах, которые он имел в виду, когда писал, было критическим, и что листья являлись главным ресурсом, поддерживавшим жизнь его овечьего стада и столь любезных его сердцу волов. Катоновское хозяйство располагает самыми разнообразными кормами: тут и бобовые разных сортов, и виноградные выжимки, и сено; зеленые корма и желуди, и мелкая мятая солома, оставшаяся после молотыбы, с мякиной и зерном. Ее в хозяйстве было так много, что Катон рекомендует пользоваться ею в качестве подстилки (факт немислимый при бедности в кормах и при незначительном полевом хозяйстве). Кроме того, для скота имеется и пастбище. Все это, не лишая мелкокорослый лес (*silva caedua*) его значения как поставщика зеленого, витаминного корма, не позволяет, однако, это значение преувеличивать. «Лес с желудями», т. е. в первую очередь, дубы и буки, дававшие строительный материал и материал для всяких поделок, ужели приносил меньший доход (особенно, принимая во внимание бедность Италии лесом уже в те времена), чем эти карликовые деревья, ничего не дававшие, кроме листьев, которые потреблялись в собственном хозяйстве и, конечно, не были предметом торговли?

Еще удивительнее, однако, что *silva caedua* оказалась по доходности впереди *arbustum* — виноградника, в котором лозы вьются по деревьям. Расстояние, отделяющее его от *vinea*, т. е. виноградника, где лозы подвывают к кольям и шпалерам, настолько поразительно и необъяснимо, что вся западная наука постаралась его не заметить.

Современное виноградарство единодушно осуждает посадку лозы у деревьев, но древность судила иначе: считалось, что некоторые лозы хорошо идут только возле деревьев. Те аминейские лозы, которые росли на Везувии в *vinea*, в остальной Италии хорошо шли только возле деревьев (К о л., III, 2, 11); номентанская малая (хороший сорт) больше любила деревья, чем колья и переплет (К о л., III, 2, 15). Знаменитое цекубское вино давали лозы, «обвивавшиеся вокруг тополей» (П л и н и й, XIV, 61). Среди италийских хозяев были противники *arbustum*, например Сазерна, но этот вид виноградника защищал такой хозяин, как Скрофа (П л и н и й, XVII, 199), считавший, что «виноградник сам пожирает

свой доход» (В а р р о н, I, 8, 1). Катон рекомендует *arbustum* в первую очередь для подгородного хозяйства, мотивируя свой совет тем, что *arbustum* даст дрова и хворост, которые под городом найдут легкий сбыт. Допустим, что в имении, удаленном от города, дров продать было некому (см., однако, гл. 38 об обжигании извести и приготовлении угля), но *arbustum* имел ряд преимуществ, не зависевших от его местонахождения. П л и н и й очень выразительно охарактеризовал их: «...не надо здесь ни чубуков, ни плантажа, нет никаких трат на вскапывание земли; мало того, *arbustum* обладает еще той выгодной особенностью, что та же земля приносит и урожай злаков, причем это идет на пользу лозам. Сверх того, он защищен собственной высотой и не требует, как *vinea*, чтобы его защищали от животных, наносящих вред, и ограждали стеной, забором или хотя бы тратились на ров», XVII, 203 (ср. К о л., V, 6, 11 и *De arb.*, XVI, 2). Комбинированные культуры, соединение посевов и посадок, столь характерное для италийского хозяйства, мы встречаем как раз в масличных садах и в *arbusta*. Когда К а т о н рекомендовал копать на пару ямы «для вязов, лоз и смоковниц» (27), то он советовал превращать хлебную ниву именно в *arbustum*. Имело ли смысл рекомендовать хозяину эту статью, если она по доходности своей стояла так низко?

Конкретный разбор катоновской «шкалы доходности» свидетельствует о том, что в данном параграфе Катон отнюдь не имел в виду распределения земельных участков по их доходности. Лучшим комментарием к этим строчкам может служить одно место у К о л у м е л л ы (I, 2, 3—5): «если судьба улыбнется нам, то у нас будет имение в здоровой местности с плодородной почвой, расположенное частью на равнине, частью на холмах, полого спускающихся к востоку или к югу. Одни из этих холмов обнажены, другие покрыты дремучим лесом; имение лежит недалеко от моря или от судходной реки, по которой можно вывозить урожай и подвозить товары. Перед усадьбой на ровном месте раскинутся луга, поля, заросли лоз и тростника (ср. у Катона: «луг, хлебное поле, лозняк»). Холмы без деревьев предназначены для посевов; хлеба, однако, лучше идут на равнине, в меру сырой и жирной, чем на высоких местах... Другие холмы оденутся масличными садами, виноградниками и насаждениями, которые в будущем дадут для них колья («виноградник, масличный сад» Катона), а также строительный материал (*silva glandaria* Катона)... будут пастбища... и ручьи, сбегаящие к лугам, огородам и зарослям тростника» («луга» и «поливной огород» Катона). Оба писателя мечтали об имении, которое представляло бы собой «полную чашу». Тенни Франк и другие буржуазные ученые глубоко заблуждаются, полагая, что Катон говорит о целом имении в сто югеров, сплошь занятых какой-либо одной культурой: виноградником, огородом и т. д.¹, Катон перечисляет все хозяйственные статьи, совокупность которых обеспечивает отдельному хозяйству независимое существование: при натуральном хозяйстве, элементы которого неизменно присутствовали в хозяйстве древних, такая автаркия была теоретически идеалом каждого хозяина, хотя бы практически он в ней не так уж и нуждался.

Почему, однако, Катон расположил все перечисленные им угодия в том порядке, какой мы и имеем в рассматриваемом нами месте? Со всей точностью мы могли бы ответить на этот вопрос только в том случае, если бы основные принципы, руководившие Катонем в его творчестве, были уже

¹ Такого толкования не позволяет точный перевод этого места. Слово «ager» употребляется у Катона в трех значениях: 1) «округ», «область», (I, 4; 136); 2) «имение» и «земля» (III, 1; VI, 1; 105; 3) «поле»; «место» и «участок» (VI, 1; VI, 2; VI, 4; XXXIV, 2; 61, 1—2; 137, 141, 1—3). Ни первое, ни второе по смыслу здесь не подходит; остается третье: *de omnibus agris* значит «от всех участков», «со всеми участками».

изучены и известны. Пока мы можем только предполагать и догадываться. Может быть, Катон перечислил все хозяйственные угодья в том порядке, в котором они были пространственно расположены в каком-то определенном имени, стоявшем перед его умственным взором. Может быть, он считал такое расположение наиболее рациональным: действительно, виноградник, огород и масличный сад должны быть ближе к дому, находиться под непосредственным надзором; а луга, хлебные нивы и лес могут быть отодвинуты на второй план. Непосредственная близость поливного огорода и лозняка вызвана тем, что обилие влаги, сырость, является условием, жизненно необходимым для обеих культур, и естественно поэтому объединить их пространственно. Может быть, здесь действовали просто ассоциации по сходству и противоположности, которыми Катон в своих писаниях часто руководился: виноградник и огород, много общего в обработке земли, — в обоих случаях требуется очень глубокое тщательное перекапывание земли и повторное неоднократное ее разрыхление; огород и лозняк: обоим нужна обильная влага; лозняк и масличный сад: древесные насаждения; масличный сад и луг: оба места могли служить и служили пастбищем, и в обоих местах косили корма скоту; луг и поле: открытые пространства; полю противопоставляется лес разного типа. Как бы то ни было, толкование I, 7 катоновского «Земледелия», как шкалы доходности отдельных сельскохозяйственных угодий, прочно утвердившееся в буржуазной науке, совершенно бездоказательно и во всяком случае должно быть пересмотрено советскими учеными.

